

МИФОЛОГЕМА ВОДЫ В РАССКАЗАХ Г. ГЕССЕ

Самарский государственный университет

В рассказе “Заход” Гессе прямо сравнивает человеческую сущность с глубоким озером – вечно меняющимся, непрерывно становящимся и обновляющимся. Символика воды, в том числе мифологическая, в рассказах писателя богата и многообразна, но мало исследована, хотя и имеет непосредственное отношение к раскрытию выведенных автором характеров, часто наделенных автобиографическими чертами, а последние, пожалуй, можно смело отнести к наиболее распространенным темам исследований творчества Гессе. Мы попытаемся наметить лишь основные “мифологические составляющие” волной символики в рассказах знаменитого писателя.

Темой многих произведений Гессе является двойственность, амбивалентность, антагонизм человеческой личности, поэтому в мифологическом пласте рассказов вода – как самая противоречивая из всех стихий, “выступающая посредником между жизнью и смертью, представляя двусторонний, положительный и отрицательный, поток творения и уничтожения” [2: 116] – часто является отражением противоречивых настроений героя, страданий его мятущейся души. В известном рассказе “Клейн и Вагнер”, тема двойственности становится центральной. Клейн, непрерывно думающий о смерти, но не решающийся расстаться с жизнью, страдает от непонимания самого себя. Озеро в центре города, где останавливается герой и куда непременно приводят его все пути, также “ведет себя” неоднозначно: с одной стороны, его крутые берега зовут сорваться вниз, в пропасть (что в конце рассказа и предпринимает герой: „Und darum gab es nur Eine Kunst, nur Eine Lehre, nur Ein Geheimnis: sich fallen lassen...” [1: 369]), с другой же – пробуждает в Клейне дремавшую плоть, чувственность, т.е. жизнь, когда тот в приозерном парке знакомится с Терезиной. Тема раздвоенности героя поддерживается мотивом зеркала, которое делит мир и самого героя надвое, одновременно подтверждая и опровергая его самоидентичность. Не менее важным в рассказе оказывается и другое свойство зеркала: оно, как известно, дает возможность душе освободиться, перейти в другой мир (неслучайно, когда в доме покойник, зеркала закрывают или поворачивают их к стене). Таким магическим зеркалом в рассказе оказывается озеро – сперва для окружающего ландшафта („Dunne violette Wolkenschatten liefen über den Seespiegel...” [1: 344]), а затем и для самого героя, который через озеро-зеркало („Im grauen Regendunkel über dem Nachtsee sah der Untersinkende das Spiel der Welt gespiegelt...” [1: 369]), словно через мифическую дверь, приходит к самому себе, к своему истинному Я. Погружение в воду приносит Клейну не только смерть, но и воз-

вращение к первоначальному состоянию чистоты, слияние с миром. Во многих мифологиях глубокие воды моря, озера, колодца ассоциировались с местом обитания сверхъестественных существ, Великой Матери; и Клейн тоже приходит к богу: „Laut schallte sein Lied, hoch stieg das Gewölbe der Töne auf, strahlend saß Gott im Innern“ [1: 372]. Смерть героя в пучине воды есть в то же время обретение им новой жизни, ведь вода, как известно, очищает, смывает и восстанавливает; она возвращает к жизни и дает новую жизнь, отсюда крещение водой или кровью в обрядах инициации. Примечательно также, что в “Клейне и Вагнере” Гессе выбрал именно образ озера – четко обрамленного со всех сторон берегами и тем самым более, чем река, например, или море, напоминающее зеркало, также всегда имеющее рамку, границы. Предположительно круглая форма озера (круг – широко распространенный в культуре народов мира символический знак неразрывного единства, целостности, непрерывности, первоначально го совершенства) также имеет в контексте произведения свою символику.

В рассказе “Отец Матиас” (1911) водная стихия становится символом внутренней раздвоенности главного героя уже в образе реки, разделяющей старый город на “тот” мир и “этот” и намекающей, таким образом, уже в самом начале рассказа на двойную жизнь священника. Текущая вода символизирует здесь также поток жизни: спрятанные под рясой чувства, желания, страсти героя выходят наружу. Пересечение водной преграды используется как символ перехода героя из одного онтологического состояния в другое и прохождения через мир иллюзий для обретения просветления и нирваны.

Очищающее свойство воды – главное в рассказе “Лесной человек”, где лес, в котором живут древние люди, оказывается окружен со всех сторон водой (морем). Во многих религиях, в том числе в христианстве, вода олицетворяет восстановление, обновление, освящение и крещение; вода, окружающая что-либо, имеет не просто оборонительное значение, территория внутри круга становится чистой и священной. В рассказе лес предстает тем магическим пространством, выход за пределы которого, кажется верной гибелью, так что осмелившийся на это Мата Далам наделяется необыкновенной властью. В рассказе “Европеец” посланный Богом иотоп очищает уставшую от войны землю, смывает пролитую кровь. Кроме того, попавший в ковчег европеец, давно утративший изначальную связь с природой, выглядит здесь, среди воды – первичной материи, матери всего сущего – особенно нелепо и жалко.

Особую символику имеет в рассказах Гессе вода в виде дождя и росы (“Последнее лето Клингзора”), олицетворяя собой благовещение и благословение, духовное обновление и свет восхода. Кроме того, вода тесно связана с вином и хлебом. Так, “святая вода” – обряд, практиковавшийся в Древнем Египте и Древнем Риме, когда жрец кропил водой на изображение богов и на верующих, – непременно сопровождал ритуал хлеба и вина.

Так что, обедая хлебом и вином (причем чаще всего в простых крестьянских домах, на природе), герои Гессе как бы возвращаются к простой жизни, собственной природной естественности.

Библиографический список

1. Hesse. H. Erzählungen / H. Hesse. – Leipzig: Insel – Verlag, 1973. –Bd. II.
2. Тресиддер, Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер. – М.: ФАИР-пресс, 1999.

И.Н. Никитина

**СЛОВЕСНОЕ ТАБУ И ЭВФЕМИЯ
В ОПИСАТЕЛЬНОМ ПОЛЕ ЛИНГВИСТИКИ**

Самарский институт Российского государственного
торгово-экономического университета

Первое упоминание термина “эвфемизм” относят к 1656 году, когда английский историк и лексикограф Томас Блаунт в своей “Глоссографии” определил его как “хорошую” или “выгодную” интерпретацию плохого слова [8: 132].

В лингвистическом плане эвфемизмы стали изучать с конца девятнадцатого века, после того как немецкий исследователь Г. Пауль выделил их в схеме семантических изменений наряду с метафорой и метонимией [4: 123].

Явление “эвфемии” в лингвистике традиционно связывают с явлением “табу”. Поэтому неслучайно, что первоначально изучением эвфемизмов занимались этнографы, исследовавшие проблематику языкового табу, понимаемого как запрет на произнесение имени объекта, в первобытных сообществах.

Вслед за этнографами к проблеме изучения словесного табу и эвфемизмов присоединились лингвисты Западной Европы и Америки. Исследования эвфемизмов в британской и, прежде всего, американской лингвистике, отличает их прикладной характер, результатом чего явилось появление большого количества разнообразных словарей эвфемизмов, которые пользуются неизменной популярностью особенно в США. В отечественном языкознании проблема всестороннего изучения эвфемии была поднята лишь в последнее десятилетие XX века. До этого эвфемизмы рассматривались только в историческом аспекте в связи с древними табу. В настоящее время исследование эвфемизмов как универсальной языковой категории вызывает особый интерес среди российских лингвистов в связи с задачей